

людей и общностью свойственных им особенностей питейных предпочтений. Вакхические культуры разных этносов представляют собой лингвосемиотическую систему вакхических знаков, характеризующуюся лингвокультурными и этническими особенностями вакхических номинаций. Вакхические знаки исполняют следующие коммуникативные функции: а) иконическую или денотативную, закрепляющую в сознании коммуникантов образ спиртных напитков, вкус, запах, качество, технологии приготовления, а также субъектов действий, связанных с употреблением и приготовлением спиртных напитков; б) директивную или инструктивную, описывающую технологии процесса приготовления и производства спиртных напитков и регулирующей его качественные, количественные, разрешительные и запретительные характеристики; в) квалификативно-оценочную, характеризующую социальное отношение к процессу приготовления и потребления спиртных напитков; г) презентационную, связанную с ритуализацией и драматизацией процесса вакхической коммуникации.

Иконической, или денотативной, семиотической нагрузкой наделены следующие типы языковых знаков: 1) питейные знаки, знаки-локативы (название спиртного напитка; место его производства); 2) инструментативы (давящая виноград); 3) знаки-персоналии и знаки-квалификаторы (винодел, хозяин винодельческого предприятия, винодельни; специалист-технолог по пивоварению и производству вина); 4) знаки цвета вина или пива (бледно-розовый, розовый, бледно-красный, светло-красный, бледно-рубиновый), знаки аромата (пряный, «цветистый», «с нотками ванили»); 5) знаки вкуса (приятное слабоградусное; с легким медовым вкусом).

За директивными знаками-процессивами закреплена функция описания процесса производства и приготовления спиртного, его ход, этапы, стадии. В вакхическую семиотическую систему включены четыре типа таких знаков: а) *знаки-дескрипторы* (номинации этапов подготовки спиртных продуктов к производству: разведение чистой культуры дрожжей; номинации процесса производства: подготовка солода; предикаты процесса презентации спиртного

к потреблению: откупоривать, разливать по фужерам, бокалам; предикаты подготовки к производству спиртного: давить, молот, собирать виноград; предикаты производства спиртного: затирать солод, фильтровать пивной затор); б) *знаки-комментативы* и *регулятивы* (номинации условий для получения качественного спиртного: охладите пиво перед розливом, чтобы оно не превратилось в пену); в) *знаки-пермиссивы*, *знаки-лимитаторы* (номинации ограничения и запрета: отстоянное пиво, или пивные остатки запрещены для потребления).

Выделяются такие разновидности вакхического дискурса, как *застольный*, *производственный* и *ритуальный*. Эти типы дискурса пересекаются и взаимодействуют, выполняя определенные коммуникативные цели. Вакхический дискурс является личностно ориентированным, что проявляется в бытовой сфере общения. Участники застолья хорошо знают друг друга, их коммуникация тем успешнее, чем больше доля личностного компонента, у них не возникает необходимости объяснять друг другу очевидное. Застольная коммуникация ведется при помощи кода, который имеет высокую контекстную зависимость.

Вакхический дискурс также является статусно-ориентированным, представляет собой специализированную клишированную разновидность общения. Такое общение носит ритуальный характер, обусловлено социальными функциями партнеров, которые требуют определенного общения, предписанного канонами социума и правилами застолья этого социума. Ритуализированный характер застольной коммуникации диктует особенности взаимодействия участников в застольном коммуникативном акте: чем меньше коммуниканты знают друг друга, особенности характера друг друга, социальное положение, и чем более официальной является обстановка общения, тем более ритуализированный характер приобретает форма взаимодействия партнеров. Ритуальность проявляется в «распределении ролей» застолья: «виновник торжества», «гвоздь программы», «именинник», «хозяин праздника» – участники застолья, в честь которых принято произносить торжественную речь, желать только положительное и обращаться к ним соответствующим

образом, т. е. здесь представлена клишированная коммуникация. Застольная коммуникация представляет собой особую форму общения, когда за общим столом создается ценностная для участников атмосфера, в которой происходят общение, обмен определенной информацией и человеческими чувствами.

В застольном дискурсе вакхической культуры разных этносов присутствуют прецедентные тексты застольной коммуникации – тосты, тексты застольных песен, пословицы, поговорки, афоризмы, определенные клише, типичные для речи участников застолья. Сюда же относятся определенные модели коммуникативной тональности: общение может быть как официальным, например, при презентации вина дегустатором, так и неофициальным (празднование какого-либо события, распитие спиртного в теплой атмосфере).

Языковая личность выступает базовой категорией лингвокультурологии, отражающей менталитет носителей различных языков и культур, и обладает определенными лингвосемиотическими параметрами в вакхической коммуникации. Выявлены лингвосемиотические параметры поведения языковой личности, выраженные в определенных статусных отношениях между участниками застолья с детерминацией их ролей. Статусные отношения, или роли участников застолья, могут быть выражены в оппозициях: «хозяин–гость», *возрастная оппозиция*, *социальная оппозиция*, *гендерная оппозиция*. Приоритеты застолья находят лексическую фиксацию в виде пословиц и поговорок в лингвокультурном пространстве вакхического застольного дискурса. Будучи

устойчивыми афористическими изречениями, они отображают разнообразные явления общественной жизни хотя и в краткой, но образной и выразительной форме. Лингвокультуры застольного дискурса особенно богаты пословицами и поговорками поучительного характера, четко отражающими этнические особенности застольного процесса. Среди других значимых средств реализации ценностей застольного дискурса выделен фразеологический фонд. Фразеологизмы способствуют полноценному дискурсоразвертыванию.

В дискурсивном пространстве вакхической культуры выделяется также ритуальный дискурс. Ритуальность вакхического дискурса характеризуется конститутивными признаками, такими как структурированность, запланированность, распределение ролей, сценарность, драматургичность, ритуальность, локативность, темпоральность, символичность. Вакхический дискурс имеет ролевую структуру, которая также определяет его принадлежность не только к личностно ориентированному, но и институциональному типу дискурса. Вакхический дискурс относится к «мягкой» форме исполнения ритуала: целью вакхической ритуальной коммуникации является сохранение традиций и формирование новых, создание положительного общественного мнения, поддержание плодотворных отношений среди участников.

Литература:

Олянич А.В., Реймер Ю.В. Лингвосемиотика вакхического дискурса: немецко-русские параллели. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2013. – 180 с.

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Гастрономический дискурс представляет собой личностно-ориентированный тип так называемой *глуттонической* коммуникации (от лат. *gluttonare* – есть, питаться, пожирать, объедаться), носящей институциональный характер. Гастрономический дискурс напрямую ассоциирован с концептосферой «Пища, еда». Их единство представляет собой знаковую систему, в которой сконцентрированы «культурный

капитал», национальная самоидентификация, персональная идентификация и субъективное отношение (вкус), гендерные характеристики и характеристики социальные (классовые). Лингвосемиотическое пространство гастрономического дискурса организовано в соответствии с вышеперечисленными параметрами.

Гастрономическая / глуттоническая коммуникативная среда интенсивно изучается как

этнокультурный феномен в рамках концептологии, дискурсологии и лингвосомиотики с самого начала третьего тысячелетия, при этом спектр интересов исследователей чрезвычайно широк. Приведем здесь лишь несколько направлений такого изучения. Так, анализируется концептосфера «Продукты питания» в русской национальной языковой картине мира; исследуется концептосфера «еда» в русском национальном сознании, при этом выявляются базовые когнитивно-пропозициональные структуры и их лексические репрезентации. Пища также рассматривается как лингвокультурный концепт немецкоязычной и франкофонной лингвокультуры; исследуется в сопоставлении калмыцкой и русскоязычной, немецко-, калмыцко- и русскоязычной этнолингвокультуры. Производится внимательное обследование этнолингвокультурных характеристик гастрономического дискурса – англоязычного, немецкоязычного и тюркоязычного. Детальному анализу подвергается гастрономический дискурс в целом и его семантико-семиотические характеристики в системе массовой коммуникации; описывается актуализация темы «питание» как в диалектном дискурсе, так и в городской полиэтнической дискурсивной среде. Исследователи анализируют проблему определения лингвистических аспектов исследования языковой репрезентации архетипической категории вкуса как основы гастрономического дискурса, а также проблемы классификации вербализованной категории вкуса; отмечается, что восприятие вкуса находится в различной лексико-семантической сочетаемости и обладает спецификой имплицитного и эксплицитного выражения в разных лингвокультурах. Гастрономический дискурс изучается также в его лингвокультурологическом и переводческом аспектах, а также как центральный элемент жанрового пространства постмодернистского романа.

Гастрономический (глуттонический) дискурс подвергается описанию также со стороны его внутренней (языковой) структуры и прагматической направленности языковых элементов: например, очень тщательно исследована его метафорическая составляющая; рассмотрена семантика прагматонимов в глуттонической коммуникации; исследованы и перечислены

особенности функционирования языковых реалий с семантикой ‘пища’ в произведениях русских и английских писателей; изучена в целом тема пищи в повседневной разговорной речи и перечислены характеристики еды сквозь призму актуальных противопоставлений. Гастрономический дискурс также подробно исследуется в аспекте текстовой прецедентности. Особенно подробно и последовательно изучены знаки и знаковые комплексы гастрономии (глуттонии): в данном исследовательском ресурсе важное место занимают работы по диахронной лингвосомиотике; изучается семиотическая (семантическая) изотопия «еда» в русском художественном тексте. Особое место также занимает исследование лингвосомиотики вакхического (питейного) дискурса русских и немцев в сопоставительном освещении.

В общем и целом наиболее плодотворным и доминирующим представляется лингвосомиотический подход к изучению данного феномена. Благодаря такому аспекту рассмотрения гастрономии удалось установить, что лингвистические знаки гастрономического дискурса формируют значимости (значения), складывающиеся в особую семантическую систему, структурируемую в кластеры значимостей, которые в коммуникативных целях презентации расчлняются языковым этносознанием и хранятся в нем в виде национально специфичных директивных сообщений (рецепты, меню, эстетические образы блюд, правила поведения за столом, ритуалы потребления пищи и т. д.).

В массовой коммуникации одно из важнейших мест занимает коммуникация, связанная с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления, обозначаемая нами глуттонической. Средством транспортировки лингвосомиотической информации о пище, продуктах, способах переработки и потребления в иноязычный социум выступает массово-информационный дискурс в его глуттонической функции – в виде гастрономического дискурса, в задачи которого входят 1) воздействие на потребителя в смысле выбора его пищевых предпочтений; 2) формирование самих предпочтений и культурных доминант, связанных с поддержанием жизни посредством потребления пищи. Гастрономический дискурс – это

смешанный тип коммуникации, личностно-ориентированный, проявляемый в бытовой сфере общения, и статусно-ориентированный, носящий институциональный характер.

Участниками гастрономического дискурса является базовая пара коммуникантов – служащий заведения общественного питания и посетитель. В гастрономическом дискурсе также имеет место общение служащих и посетителей друг с другом и между собой. При посещении ресторана – это беседа официанта с посетителем, посетителей между собой; в условиях кухни – это общение поваров, общение официантов, метрдотелей с поварами, подсобными работниками, поставщиками и т. п. гастрономический дискурс имеет также бытовой уровень: он возникает в среде домочадцев в момент приема ими пищи. Гастрономический дискурс формируется языковой личностью, стремящейся удовлетворить свои базовые потребности. Процесс дискурсообразования осуществляется на основе структуриации концептосферы «пища» в особом лингвосомиотическом пространстве как комплексной системе, состоящей из знаков глуттонии. Языковая глуттоническая личность отражает менталитет обобщенного носителя языка в потребностной сфере коммуникации и обладает специфическими лингвосомиотическими параметрами.

Хронотопом глуттонического дискурса выступают: время, в течение которого осуществляется приготовление пищи (кулинарный производственный процесс); время, отведенное на обслуживание посетителей заведения общественного питания (дневное, вечернее, ночное, круглосуточное в зависимости от типа заведения; место, где происходит соответствующая работа по приготовлению пищи; место, где происходит обслуживание посетителей (локус общественного питания – столовая, бар, закусочная, кафе, ресторан, клуб, бистро, уличный вагончик стрит-вендора с «быстрой едой»); место, где принимают пищу резиденты (домашняя кухня, домашняя столовая).

Цель глуттонического дискурса состоит в формировании как пищевых предпочтений потребителя, так и культурных доминант (столовый этикет, правила поведения за столом и т. д.), связанных с поддержанием жизни посредством

потребления пищи. Иными словами, целью данного типа дискурса является формирование ценностей, прежде всего, исходя из главной задачи глуттонической коммуникации: питание является одним из необходимых условий биологического выживания, поскольку, для того, чтобы жить, прежде всего, нужно есть. Количество, качество, ассортимент потребляемых пищевых продуктов, своевременность и регулярность приема пищи решающим образом влияют на жизнедеятельность организма. *Ценности* гастрономического (глуттонического) дискурса выражаются также в воспитании этических и эстетических норм поведения потребителей.

Иноязычный гастрономический дискурс представлен *прецедентными текстами* кулинарных рецептов, отражающих специфику национальной культуры, обладающих социальными и гендерными характеристиками, являющихся особым видом коммуникации, при котором используются определенные профессионально-ориентированные знаки – терминология, устойчивые обороты, характерные морфосинтаксические структуры. В качестве основного источника реализации текста кулинарного рецепта обычно выступает поваренная книга как гипертекст, являющийся не только практическим специальным текстом, но и семиотическим образованием, т. к. постоянные изменения в способах приготовления блюд делают его бесценным культурно-историческим свидетелем, в котором также получают свое отражение языковые изменения.

Литература:

1. Олянич А. В., Головницкая Н. П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: монография. – Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2008. – 180 с.
2. Олянич А. В., Реймер Ю. В. Лингвосомиотика вакхического дискурса: немецко-русские параллели. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2013. – 180 с.
3. Олянич А. В. Интертекстуальность в гастрономическом дискурсе // Интертекстуальность и фигуры интертекстов в дискурсах разных типов: коллективная монография. – Глава 2. – М.: Наука-Флинта, 2014. – 352 с.
4. Олянич А. В., Бараташвили Э. Э. Очерк 6. Лингвосомиотика тюркоязычной глуттонической коммуникации // Очерки по этнолингвосомиотике потребностной коммуникации: коллективная монография. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2014. – 344 с.
5. Олянич А. В. Очерк 9. Лингвосомиотика виски или

лингвокультура эмоций «под градусом» // Очерки по этнолингвистике потребностной коммуникации: коллективная монография. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2014. – 344 с.

6. Олянич А.В., Земскова А.Ю. Лингвистика

англоязычного гастрономического дискурса: монография. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2015. – 392 с.

7. Олянич А.В. Лингвистика французской гастрономии: монография. – Волгоград: ИПК Волгоградского ГАУ «Нива», 2015. – 180 с.

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Искусствоведческий дискурс, получивший наиболее глубокое осмысление в научной литературе, уже своим наименованием как нельзя более точно отражает свою сущность – какой бы ни был текст, как правило, его автор стремится «ведать искусством», понять и объяснить его смысл, предложить свою версию позиции художника и в этом смысле отождествить себя с ним, ведь даже споря с творцом произведения искусства, автор текста часто «говорит» за художника, приписывая ему те или иные интенции (У.А. Жаркова). Искусствоведческий дискурс толкуется в контексте культурологического дискурса, при этом искусство – своего рода объект культурологического дискурса. Искусствоведческий дискурс актуализируется в научном и публицистическом стилях (дискурсах). Он фиксируется как в литературно-эстетических трудах, так и в дискурсе масс-медиа – в журнальных, газетных статьях, в Интернет-коммуникации.

Особость говорения об артефактах искусства обусловлена самодостаточностью, нередуцируемостью последнего: в отличие от науки, имеющей заданный предмет познания, сфера искусства – согласно закону своего основания – данный предмет генерирует. Очевидно, что разные формы интеллектуальной деятельности предопределяют и порождают видовое многообразие дискурсивных практик. Иными словами, в общей картине мира статус искусства – творческого процесса, «заканчивающегося» созданием художественного образа – верифицируется как продолжающееся (воспроизводимое, осмысляемое и интерпретируемое) миротворение, конституирующее иные возможности познания (понимания) бытия. Способы говорения о творчестве вполне поддаются словесно-понятийной строгости, а теоретический уровень художественно-эстетической аналитики обуславливается профессионализ-

мом искусствоведов. «Смысл» и «понимание» сопряжены с проблемой «диалога», объективирующей социальную и достаточно объемную территорию научно-исследовательских интересов. Однако, проблема дискурсивной обозначаемости в сфере искусства (длящегося миротворения) – в своих самых существенных интенциях – стимулирует смысловые усилия человека в культуре, позволяя сблизиться его высшему духовному предназначению.

Искусствоведческий дискурс понимается исследователями как виртуальный, постоянно разворачивающийся во времени и в пространстве корпус высказываний на тему искусства, реализуемых в рамках искусствоведческих наук в различных типах текста, коммуникативных сферах и в ходе рассмотрения отдельных вопросов в русле основной темы. Данный дискурс рассматривается как частный дискурс по отношению к общему дискурсу на тему искусства и является вторичным способом представления искусства с помощью его анализа и интерпретации. Искусствоведческий дискурс обеспечивает посредничество между автором произведения искусства и реципиентом (зрителем/слушателем). Художник через образительные знаки (образы, формы, линии, технику и т. д.) создаёт невербальное сообщение, которое искусствовед должен декодировать. Таким образом, искусствовед выступает в роли посредника между художником и адресатом.

Когда произведения искусства становятся предметом произведений вербальных, совокупность, взаимодействие и функционирование последних становится особым видом дискурса – искусствоведческим. Исследователи постулируют принципиальную интерпретативную природу текста о произведении искусства: «... невербальный вид художественного творчества постигается субъектом посредством включения механизма рецепции,

оценивается, переводится в вербальный код и тем самым интерпретируется <...> Любое письменное представление изображенного объекта – это уже его интерпретация <...> Уровень описания... высший, наиболее сложный уровень интерпретации изображенного объекта...» (Е.А. Елина). Значимым представляется выделение исследователями трех уровней интерпретации – денотативного (низшего, номинативного), коннотативного (предполагающего введение эмотивнооценочного, характеризующего и потому более субъективного, менее достоверного комментария) и символического (высшего, на котором изображению придается значение и значимость символа, метафоры).

В ряде работ ключевым для дискурсивного подхода к исследуемым текстам становится понятие стратегии: «... дискурс понимается как вербализованная и используемая для коммуникации совокупность соответствующих языковых знаний и стратегий» (А.П. Булатова). В числе основных называют стратегии авторитета, оценочности, деконструкции представленного как целое, «приоритетного» восприятия некоторых аспектов объекта, стратегия ассоциативно-расширенного восприятия, высокого стиля, конкретно-объективирующая стратегия и стратегия моделирования ситуации восприятия. Очевидно, что интерпретация, в традиционном смысле понимаемая как истолкование, объяснение, в данной концепции не рассматривается как сколько-нибудь значимая стратегия искусствоведческого дискурса.

Не любое изображение является произведением искусства. Последнее отличает концептуальная нагруженность: искусство является наглядно-образной, символической формой познания мира, и то или иное полотно или рисунок воплощает (возможно, частично) авторскую концепцию мироустройства. В этом смысле произведение искусства можно считать знаком сродни словесному, в котором означающее и означаемое тесно взаимосвязаны. Если понимать под означающим форму, образительный ряд, совокупность «фигур», а под означаемым авторское послание, смысл, то вопрос об интерпретативной составляющей искусствоведческого текста решается более

или менее последовательно: описание означающего не есть интерпретация, объяснение означаемого, напротив, реализует стратегию интерпретации. С этим удачно коррелирует определение интерпретации, принятое в логике: приписывание некоторого смысла, значения символам и формулам формальной системы; в результате формальная система превращается в язык, описывающий ту или иную предметную область. Впрочем, необходимо признать, что описание и интерпретация не составляют специфику искусствоведческого дискурса, в отличие от передачи впечатления от артефакта, тех самых «коннотативного» уровня описания, стратегии оценочности и ассоциативного расширения (У.А. Жаркова).

Искусствоведческий дискурс есть целенаправленная коммуникативная деятельность, связанная с интерпретацией произведения (или произведений) искусства, осуществляемая ее участниками в форме устной и письменной речи, в соответствии с принятыми в обществе правилами, нормами, стандартами. Из определения следует, что указанный тип дискурса представляет собой полноценную коммуникацию, имеющую свою специфику и неповторимость. Говоря о природе дискурса искусствоведа, отметим ее двойственный характер, поскольку коммуникация в сфере искусства может проходить как невербально, так и вербально. Сказанное дает нам основания выделить невербальный и вербальный искусствоведческий дискурс. В случае невербальной коммуникации в искусстве художник как создатель произведения искусства отправляет информацию, зашифрованную посредством образов, символов и др., адресату в лице зрителя/критика. Темой и формой обозначенного типа коммуникации служит непосредственно произведение искусства, вернее – вид его материализации (полотно, поэма, пьеса, скульптура, фильм и др.). Основной посыл при этом передается при помощи символов, образов, иконических знаков. В силу того, что процесс коммуникации в невербальном искусствоведческом дискурсе носит, соответственно, исключительно семиотический характер, единственно возможным каналом связи выступает зрительное вос-